

III. Страницы новейшей истории

Эйтан Финкельштейн

Черная книга Василия Гроссмана

Семьдесят лет советской власти – черная дыра не только в общественном и экономическом развитии стран и народов, собранных под крышей Союза Советских Социалистических Республик и скованных «одной цепью» - тоталитарным режимом. Это еще и черная дыра в общественном сознании, в интеллектуальной, информационной и других сферах. Власть, осуществлявшая контроль над духовной жизнью людей, скрывала либо искажала факты прошлого и настоящего, манипулировала достижениями науки и культуры, лишала своих граждан элементарной информации о важнейших мировых достижениях в области духовного движения человечества. В Советском Союзе начисто отсутствовали знания о современной теологии и социологии, о новых идеях в области экономики и защиты прав личности, в разное время там запрещали педологию, генетику, кибернетику. В СССР разве что понаслышке знали о современных тенденциях в кинематографе, в литературе, драматургии, музыке.

К числу «черных дыр» в общественном знании и сознании принадлежало все, что связано со словом «Холокост». Конечно, смутное представление о том, что «немецко-фашистские захватчики» преследовали «коммунистов и евреев» в обществе – во всяком случае, в некоторой его части – все же было. Глухо упоминать об этом разрешалось в специальной литературе о немецком фашизме и о войне. Но не более того. Любопытно, что даже среди инакомыслящей интеллигенции, диссидентских писателей, историков и публицистов, искавших правду «о стране и мире» за рамками дозволенного, тема Холокоста почти полностью отсутствует. Нет ее в многочисленном и разнообразном самиздате советских времен, а в еврейском самиздате тех времен она стоит на третьем месте после сионизма и антисемитизма в СССР.

Между тем, в Европе и Америке в послевоенные годы все больше и больше укреплялось сознание того, что Холокост - не только трагедия еврейского народа. Чем дальше в историю уходило прошлое, тем яснее вырисовывались контуры Холокоста как вселенской катастрофы, катастрофы всей западной цивилизации. Постигнуть

смысл и значение Холокоста пытались теологи и романисты, ученые и музыканты, политики и журналисты. Цель эту преследовали тысячи книг и статей, диссертаций и мемуаров, кинофильмов и художественных выставок, конгрессов и конференций. В конце концов, Холокост стал на Западе неким цивилизационным водоразделом: история до Холокоста и после Холокоста, теология до Холокоста и после Холокоста, литература до Холокоста и после Холокоста. Осмысление Холокоста привело к существенным сдвигам в индивидуальном и коллективном сознании, к изменениям в национальных законодательствах, в отношении к смертной казни, к иностранцам, к войнам и революциям, к равенству полов, к воспитанию детей, к политике и политикам и ко многому, многому другому. Тем замечательным фактом, что во главе угла современные западные общества ставят человеческую личность, они во многом обязаны осмыслению Холокоста, твердой убежденностью, что ТАКОЕ повториться не может. Невинный человек не может быть подвергнут наказанию, а наказание виновного не должно унижать его человеческого достоинства. В большинстве стран Запада запрещены смертная казнь и пытки заключенных, военные и полицейские операции проводятся только с соблюдением определенных правил, социальная защита здесь не дает никому погибнуть от голода и болезней.

Итак, именно Холокост стал в западном сознании водоразделом между прошлым и настоящим, между тем периодом истории, когда насилие над личностью нередко подкреплялось законом и тем, когда оно стало беззаконием.

В советском сознании историческим водоразделом стала Великая Отечественная война, точнее победа в этой войне советского народа. Причем, победа не над фашизмом, как таковым (что такое фашизм, в СССР представляли себе весьма смутно), а над врагом - «немецким захватчиком». Мифологизация войны, победы и необходимости постоянно противостоять многочисленному вражескому окружению привели к углублению дегуманизации советского общества, усилению террора и милитаризации, обнищанию и деградации и к прочим «прелестям» подобного рода. При этом о цене победы – миллионах жертв, жертв зачастую напрасных, советские власти предпочитали говорить вскользь, между прочим, а часто и просто умалчивать. Понятно, умолчанию подлежало все, что было связано с трагедией еврейского народа.

На фоне всего этого тем более удивительно, что первая попытка собрать воедино и систематизировать факты преследования нацистами еврейского населения на оккупированных территориях была предпринята в... Советском Союзе. Предпринята еще до того, как мир услышал слово «Холокост» и понял, что оно означает.

В 1947 году в типографию московского издательства «Дер Эмес» была сдана «Черная книга» - сборник документов и свидетельств уничтожения нацистами еврейского населения на оккупированной Вермахтом советской территории. Авторами-составителями книги числились Илья Эренбург и Василий Гроссман. Гроссман

же был и автором предисловия, разъясняющего цели и задачи предлагаемого читателю сборника.

Соавторство Эренбурга и Гроссмана на первый взгляд казалось вполне логичным. Оба они были самыми известными и популярными военными публицистами, статьями и того и другого зачитывались на фронтах и в тылу. Тему войны оба они продолжали разрабатывать в своих произведениях и в послевоенные годы. Тем не менее, к идее создания «Черной книги» Гроссман и Эренбург пришли совершенно разными путями.

В годы войны по числу статей и их популярности Эренбург был публицистом номер один. Если Гроссман публиковался практически только в «Красной звезде», то статьи Эренбурга украшали «Правду», «Известия», «Труд». Публиковался Эренбург и в зарубежной прессе. При этом его антифашистские статьи, предназначенные как для внутреннего спроса, так и для заграничного читателя, по большей части носили пафосно-теоретический характер и точно соответствовали установке властей на том или ином этапе войны. В 1945 году, уже после войны, Эренбург был послан в Германию в качестве корреспондента на Нюрнбергский процесс. Позже он объездил целый ряд стран Восточной Европы, оккупированных советскими войсками, а в следующем, 1946 году был отправлен в США. Его репортажи из Нюрнберга в точности соответствовали тому, как в Кремле хотели видеть судебный процесс над нацистскими палачами, а его путевые заметки «Дорогами Европы» прямо говорили о том, что народы Восточной Европы «окончательно выбрали путь на единение с братскими народами СССР», что ни в коей мере не соответствовало действительности. Статьи же Эренбурга об Америке («В Америке» и т. д.) и вовсе выдержаны в духе холодной войны. К тому же Эренбургу было широко известно как писателю, причем писательскую славу он приобрел еще до войны. В 1941 году вышел его роман «Падение Парижа», который понравился самому Сталину и в силу этого был широко растиражирован и удостоен (в 1942 году) Сталинской премии. В 1948 году Эренбург получил из рук вождя вторую Сталинскую премию за роман «Буря».

Василий Гроссман никаких премий не получал, никем обласкан не был, а до войны числился всего лишь начинающим писателем. Все военные годы он провел на фронтах в качестве корреспондента «Красной звезды». Вообще Гроссмана следует считать не военным, но фронтовым корреспондентом. Ибо военными корреспондентами часто называли тех, кто лишь время от времени наезжал в войска, писал там репортажи и уезжал домой. Гроссман же был всегда на передовой. Все пять месяцев битвы за Сталинград он провел в этом городе. До того Гроссман был свидетелем разгрома и бегства Красной армии. Войну же он окончил непосредственно в Берлине. Короче, Гроссман постоянно находился на передней линии, жил вместе с солдатами и офицерами, делил с ними не только тяготы окопной жизни, но и ежедневно подвергался риску быть убитым или раненым. Наверное именно поэтому статьи

Гроссмана представляли собой конкретные картинки войны, нарисованные с натуры, нарисованные человеком вовлеченным, душой страдающим не только «за правое дело», но и за жизнь и судьбу человека в окопах. Впрочем, огромная популярность (за газетой с репортажем Гроссмана очереди выстраивались с ночи) Василия Гроссмана объясняется еще и тем, что военный корреспондент «Красной звезды» позволял себе писать правду о жестокости войны, как таковой, о трагедии отдельного человека, и даже о падении морали советских солдат. Чрезвычайные обстоятельства – война, все же! – заставляла цензуру закрывать глаза на подобное нарушение канонов социалистического реализма.

Разумеется, Гроссман видел – и писал – о том, что оставляет после себя война. Сожженные, обезлюдившие деревни и разрушенные города, развороченные дороги и взорванные мосты, пейзаж без засеянных полей, без коровьих страд, без птиц и криков купающейся ребятни. И еще уроженец бывшей еврейской черты оседлости, проведший детство и молодость в Бердичеве, Гроссман не мог не заметить, что из украинского и белорусского пейзажа начисто исчезла еврейская составляющая его довоенного колорита. Не пострадала наравне со всем, что опалил огонь войны, а начисто исчезла, была уничтожена сознательно и с особой тщательностью. В гетто, в концлагерях, в бабьих ярах, румбулах, панарах, а то и просто в гаражах, на улицах, в лесах. Между прочим, в таком вот гетто города Бердичев погибла мать писателя и публициста.

Итак, реалии, увиденные Гроссманом своими глазами, убедили его в том, что трагедия евреев в оккупированных областях не вписывается в рамки общей трагедии войны. То было особое отдельное преступление нацистов, равно как и особая трагедия целого народа, народа, как такового. (Слово «геноцид» тогда еще не было в ходу). Именно это и натолкнуло Гроссмана на мысль собрать и опубликовать материалы о преследовании евреев немецкими оккупационными властями.

К аналогичной мысли Эренбург пришел не сам. Оно и понятно, Эренбургу не ведом был ни довоенный, ни послевоенный пейзаж бывшей черты оседлости, никто из его родственников не погиб ни в гетто, ни в концлагере, война с нацистской Германией представлялась ему как вселенская битва добра со злом. К идее собрать материалы о преследовании именно евреев он пришел с подачи Альберта Эйнштейна, с которым встретился в 1946 году во время посещения США.

К тому времени Эйнштейн уже ясно представлял себе, что произошло в Европе с еврейским народом. Понимал великий теоретик и то, что беспрецедентный характер еврейской трагедии может сделать ее недостоверной в глазах будущих поколений. Да и некоторым современникам она может показаться столь чудовищной, что они скажут: нет, такого не могло быть! Чтобы этого не произошло, необходимо было по горячим следам собрать как можно больше конкретных доказательств, подтвер-

ждающих факт геноцида еврейского народа. В этом Эйнштейн и пытался убедить гостя из Москвы.

Увидел ли Эренбург в предложении Эйнштейна возможность завербовать великого физика в ряды симпатизантов Советского Союза или цели его были значительно шире (специализация Эренбурга в качестве кремлевского пропагандиста заключалась в промывании мозгов западной интеллигенции, среди которой было немало евреев), судить трудно, но предложение Эйнштейна его явно заинтересовало. Заинтересовало и вылилось в идею создания Черной книги о преследованиях нацистами евреев на территории Советского Союза. При всем том, Эренбург сознавал, что самостоятельно наполнить такую книгу конкретным материалом он не может. А кто может? Далеко ходить за соавтором Эренбургу не пришлось. Он был знаком и с самим Гроссманом, и с его статьями, и прекрасно знал, что Гроссман «болен» еврейской темой. Со своей стороны, Гроссман прекрасно понимал, что для реализации ЕГО идеи как раз и нужен человек такого масштаба, таких связей и таких возможностей, каким был Эренбург.

Итак, заявка на «Черную книгу» ушла за подписью Эренбурга и Гроссмана. Ушла не одна. Одновременно Эренбург и Гроссман послали заявку и на «Красную книгу». Если «Черная книга» должна была рассказать о страданиях советских евреев, то «Красная» – о их подвигах на фронтах Отечественной войны и в тылу врага. Любопытно, что, намериваясь рассказать о евреях-героях, соавторы опять-таки исходили из разных посылок. Гроссман не понаслышке знал о подвигах еврейских офицеров, солдат, партизан, а потому с особой горечью - как личную трагедию - воспринимал поднявший голову уже в годы войны, и постоянно набиравший обороты антисемитизм, центральной «темой» которого были утверждения, будто евреи «не воевали», «отсиживались в Ташкенте» и так далее. Легенды подобного рода не имели под собой ни малейшего основания. Как показали опубликованные через десятилетия архивы Министерства обороны СССР, процент евреев принявших участие в войне в качестве солдат, матросов и офицеров, был беспрецедентно высок (20% от общей численности еврейского населения, причем 40 % из них погибло). Беспрецедентно высоким был и процент евреев, награжденных боевыми наградами. И уж никто из евреев не переходил на сторону врага и не участвовал в военных формированиях противника. Тем не менее, пропагандистские органы по личному указанию Сталина, искавшего козлов отпущения за провалы первого этапа войны, постоянно фабриковали и широко распространяли легенды о трусости и предательстве евреев. Гроссман хотел противопоставить этой лжи конкретные факты.

Ничего не вышло: идея «Красной книги» была отвергнута на корню. Работа же над «Черной» началась со сбора свидетельских показаний и авторских материалов очевидцев еврейской трагедии на оккупированных территориях СССР. Понятно, большая часть этой работы легла на плечи Гроссмана. И не только потому, что он

лучше соавтора знал конкретную обстановку и имел больше связей и возможностей привлекать к делу нужных людей.

Опухоль антисемитизма постоянно разбухала и все больше и больше угрожала прорваться наружу. Эренбург, по всей видимости, имел каких-то тайных покровителей, которые информировали его о настроениях на верхах и возможном повороте событий «на еврейской улице». Благодаря этой информации Эренбург заблаговременно, хотя и без всякого внешнего повода, вышел из Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) и полностью отстранился от участия в работе над «Черной книгой». Завершать работу и писать пространное предисловие Гроссману пришлось самому. Самому же ему пришлось и пробивать книгу сквозь цензурные препоны. Наконец, искромсанная вдоль и поперек, книга была сдана в печать в типографию ЕАК. Увы, было уже поздно: в конце ноября 1948 года погромщики в форме сотрудников НКВД ворвались в здание ЕАК, арестовали его сотрудников и забрали все его материалы. В числе последних была и набранная уже «Черная книга». По указанию М. Сулова, публикация ее была запрещена, набор рассыпан.

И все же в данном случае сработало правило «рукописи не горят!». Спустя 32 года собранная по кусочкам «Черная книга» Василия Гроссмана была опубликована в Иерусалиме. Конечно, к этому времени ее реальное содержание утратило значение: разрозненные, собранные второпях и плохо проверенные материалы уже ничего не могли добавить к той всеобъемлющей картине Холокоста, в том числе и на территории СССР, которую успели нарисовать к этому времени тысячи исследователей, публицистов, архивистов и других специалистов из многих стран мира. Тем не менее, некий высший смысл остался. «Черная книга» Гроссмана, собственная судьба этой книги самым неожиданным образом стали свидетельством холокоста по-советски – чудовищного разгула послевоенного сталинского антисемитизма, который едва не перерос в физическую расправу над советскими евреями. И еще. Книга Гроссмана – это свидетельство морального подвига человека, который словно средневековый летописец при свете костров Autodafé пишет свою хронику, зная, что скоро и сам будет брошен в огонь.